

The background of the cover is a detailed illustration of a man in a tactical vest and gloves, holding a large assault rifle. He is wearing heavy metal handcuffs on both wrists, which are attached to the rifle. The scene is set at night with a city skyline and burning buildings in the background, creating a gritty, action-oriented atmosphere.

Алексей Мальцев

РЕЗЮМЕ
ДО
ФАКСУ

Криминальный роман

Алексей Васильевич Мальцев

Резюме по факсу

Серия «Аллея»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49593557

*Резюме по факсу:
ISBN 978-5-6042789-7-0*

Аннотация

Киллеры экстра-класса – тоже люди, из плоти и крови. И проблемы со здоровьем у них случаются такие же, как у нас... Что делать, если прогноз надвигающегося недуга не оставляет тебе никаких шансов, а от дел отойти нельзя?! Самое время подумать о преемнике, чтобы при этом никто не заметил подмены, чтобы никто из авторитетов не усомнился...

Неважно, что у преемника своя налаженная жизнь, работа, любовь, планы... Важно – что он умеет метко стрелять. Остальному научим, введём в курс дела.

Так в размеренную жизнь молодого хирурга Фёдора Чеклецова подобно чудовищному урагану, сметающему всё на своём пути, врывается бывший тренер по стрельбе Лев Паскарь. Впрочем, для всех Паскарь давно похоронен, его как бы нет на свете. Зато криминальный мир буквально «стоит на ушах» от того, что вытворяет киллер-невидимка по прозвищу Клещ. Именно в него

предстоит превратиться доктору за короткое время. И выбора у Фёдора, похоже, нет...

Для широкого круга читателей.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алексей Васильевич Мальцев Резюме по факсу

© Издательство «Руда», 2019

© А. В. Мальцев, 2019

© С. А. Григорьев, иллюстрации, 2019

Глава 1

С чего всё началось? Так сразу и не скажешь...

Может, со странного ощущения, которое не покидало ни днём, ни ночью? Словно в моё отсутствие кто-то посещал мою квартиру. Как сейчас помню, поднимаюсь к себе домой, стараясь сдерживать дыхание: никаких царапин на замке... Волосок, специально приклеенный накануне в дверной створ, на месте. Весь в раздумьях открываю дверь, сбрасываю куртку... Тапки – посреди прихожей, там, где я их оставил утром, перчатка чуть свешивается с полки для головных уборов... Всё, как всегда.

Вхожу в комнату и замираю: слой пыли на телевизоре, кто-то провёл по нему пальцем. Я такое сделать не мог, однозначно! Вот оно, доказательство! Хотя... когда ночью выходил на балкон покурить, на обратном пути, в темноте... Да, да, именно в таком направлении и провёл... указательным пальцем. С ума можно сойти!

Иду на кухню, чтобы готовить ужин... Ложки на месте, кастрюля, нож... но чувство такое, словно за тобой наблюдают, тебя слушают. И всегда со спины, как бы ниоткуда...

После ужина пью чай перед телевизором или звоню Алинке, своей подруге. И всякий раз – смутный дискомфорт, будто ты на виду, тебя снимают... Потом сажусь за компьютер, ухожу в социальные сети с головой, увлечённо стучу по кла-

вишам, общаюсь по скайпу.

И – всё равно, что-то не то...

Какой оставить знак, чтобы, вернувшись вечером, точно знать, был ли кто-то в моё отсутствие или все предчувствия – результат расшалившегося воображения, не более. Кто подскажет???

* * *

Мысль показаться нашему психиатру-наркологу Лёве Юферову я поначалу гнал от себя, как мог. Но однажды, покачиваясь в своём Рено-Сандеро по пути на работу, понял, что во мне говорит банальная житейская боязнь общественного мнения, типичный обывательский комплекс: «Если этот доктор не в состоянии привести в порядок собственные расшалившиеся нервы, как он будет меня лечить, а то и оперировать?! Пойду-ка я к другому доктору».

Кстати, я тогда работал хирургом: оперировал, брал ночные дежурства, кропал истории болезни... Последнее, надо признать, ненавидел больше всего.

Коллега Юферов меня внимательно выслушал, почесал свой мясистый нос и, недолго подумав, промычал:

– Выдам без обиняков, Саныч: серьёзные транквилизаторы здесь требуются лишь в тридцати процентах случаев. Ещё в трети случаев надо либо съездить на охоту, либо жениться, либо смотаться в отпуск на острова куда-нибудь... У те-

бя уже возраст Христа, если мой склерометр ничего не пу-
тает... пора менять обстановку, личную жизнь, то, сё...

— Ну, а в третьих тридцати процентах, — вспыхнул я, заёр-
зав в глубоком кресле. — Не томи, колись, видишь, весь пы-
лаю...

— А в третьих, — он повторно почесал переносицу и серьёз-
но взглянул мне в глаза. — То, что тебе и кажется. Конкретно!

Надо отметить, что Лёва у нас — весельчак, каких ещё по-
искать. Как это уживалось в нём с жутко серьёзной специаль-
ностью, будет пытаться понять ещё не одно поколение док-
торов нашего города. Именно поэтому его взгляд так отчёт-
ливо впечатался в мои нейроны.

— То есть что? — с замиранием сердца произнёс я, боясь
поверить в смысл сказанного. — Она, Шизофрения Манья-
ковна Психозова?

— Не шути, с ней ты ещё успеешь познакомиться, — он
прыснул в кулак. От былой серьёзности не осталось и сле-
да. — В трети случаев у тебя в квартире... действительно кто-
то бывает. И это уже компетенция, сам понимаешь, совер-
шенно иных органов. Доверять надо своей интуиции. А не
прятать её в карман потёртых джинсов.

— И это мне говорит психиатр! — я кое-как поднялся из
кресла и направился к выходу. — Нет, пора на охоту... Хотя, в
этом году пострелять всласть не получится. Едем с Алинкой
в Болгарию.

— Вот и прекрасно, — он поднялся, провожая меня. — Уве-

рен, после возвращения из бывшей дружественной соцстраны никакие смутные ощущения тебя тревожить не будут. Кстати, напоследок я тебя всё же обнадёжу, — он задержался в дверях, преграждая мне выход. — Ты обладаешь гипнотической способностью, и при желании можешь загипнотизировать кого-нибудь. Кто особо гипнабелен.

Оказавшись в коридоре, я подумал, что поступил правильно, обратившись к коллеге. Во всяком случае, настроение значительно улучшилось. Всегда приятно открывать в себе новые способности. Только кого мне гипнотизировать? Разве что Алинку? Тогда я ещё не предполагал, насколько пророческой окажется эта мысль.

Впереди был отпуск, золотые пески, любимая женщина... Я был весел, наивен и глуп, если честно.

* * *

А может, всё началось с того самого разговора в конце лета? Вернее, с того неприятного осадка, который остался после него... Могу припомнить всё дословно, разложить по полочкам...

Утро с любимой женщиной. Какой мужчина не мечтает об этом! Когда неосознанным движением натыкаешься на знакомое до боли плечо, едва проснувшись слухом улавливаешь её ровное посапывание... Она рядом, и ты спокоен.

«У нас настоящий медовый месяц! — мелькает в сонной

голове. – Хотя мы даже не расписаны. Утром вместе, вечером и ночью – вместе, расстаёмся только на время работы. Чем не муж и жена!»

Высвободив затёкшую руку из-под шеи Алины, я натянул одеяло до подбородка, попытался снова уснуть, но тут услышал:

– Мне страшно, Федь!

– Тьфу, ты... Зачем пугать бедных российских хирургов! Они и так запуганы донельзя!

– Чем это они запуганы? Что ты несёшь?

– Сплошные реформы, реструктуризации, которые на местах означают одно: сокращения и ещё раз сокращения. То одно, то другое. – Приподнявшись на локте, я заглянул ей в лицо, разглядел катившуюся по щеке слезинку. – А чего страшно-то, если серьёзно?

– Ну, свадьба, знакомство с родителями... Этот страх не осознан, понимаешь? – Алина вдруг вся сжалась в комок. – Давай повременим, а? Я ничего не могу с собой поделать.

Страшно и всё, это в крови. Давай не будем спешить, а?

– Давно у тебя... этот страх?

– Вообще-то недавно... Как ты начал... свадебные разговоры, так он и появился. Но сейчас мне кажется, что он у меня был всегда... На подсознательном уровне. Какая-то неуверенность... Нестабильность, я бы сказала. То есть, то нет.

– Неуверенность в чём? – спросил я так, автоматически,

поскольку, если честно, её мнительность меня начала потихоньку «доставать». Ответ обескуражил:

– В том, правильно ли мы поступаем, знакомясь с родителями, – разъяснила она, будто отличница двоечнику пройденный материал. – Я имею в виду моё знакомство с твоими родителями. Что-то подсказывает, что надо повременить.

Слишком всё банально... Ты ещё сватов придумай заслать...

Вот посмеёмся-то!

Я ничего не понимал. После такой ночи! Задремали мы под утро, практически до пяти часов «оттягивались по полной», дважды в душ ходили, даже простынь сменили... Мы были единым целым. Несколько часов назад! И вдруг сейчас...

Страх, видите ли!

«Обыкновенная бабская блажь, не более. Повременить, в принципе, можно. Знакомство с родителями, оно никуда не денется» – подумал я в тот момент, а вслух произнёс успокаивающее:

– Подожди, вот слетаем в Болгарию, и ты всё по-другому...

– Слетать-то слетаем, – перебила Алина, поднимаясь с кровати во всей своей обезоруживающей наготе. – Но будет ли по-другому... Не уверена. Всё, мне пора на работу.

С этими словами она выскочила из спальни.

Мы встречались к тому времени уже полгода, о поездке в

Болгарию я начал разговор ещё весной. И сегодня наконец последний рабочий день и у меня, и у неё. Отпускные на карту перечислены, путёвки в кармане...

– Федюнчик, кофе остынет, не разлёживайся! – донеслось с кухни.

Я вскочил, натянул трусы и, пошатываясь, прошлёпал в ванную. Контрастный душ – то, что приводит меня в чувство по утрам второй десяток лет. Растеревшись полотенцем, я вышел в прихожую в надежде чмокнуть любимую на дорожку, но вместо этого различил стук её каблучков по ступенькам.

* * *

На работе в тот день всё протекало до жути банально: парочка плановых операций, одна экстренная, посмотрел старушку с варикозом, прооперированную накануне... Возвращаясь с утренней линейки¹, встретил в поликлинике своего бывшего руководителя секции по пулевой стрельбе Льва Митрофановича Паскаря. Он был старше меня лет на десять, выглядел молодцом – сухой, поджарый.

Взяв меня под руку, Лев Митрофанович тихо поинтересовался:

– Объясни мне, Фёдор, как на духу: что такое болезнь...

¹ То же, что и оперативка.

Паркинсона? С чем её едят? Слышал, какой-то американский актёр ею заболел.

– Точно, заболел, – кивнул я, тщетно пытаюсь припомнить, когда в последний раз видел своего тренера по стрельбе. – Майклом Д. Фоксом его кличут. А суть болезни в том заключается, что прекращается выработка одного гормона... противосудорожного, и у больного начинают трястись руки... А потом и ноги, и голова.

– И что, никакого чудодейственного средства нет? – не отставал Паскарь, фактически проводив меня до ординаторской.

– Средств много, только эффект от них временный. Иногда случается, что недостаточный, – я положил руку ему на плечо и, зажмурившись, промурлыкал: – А может, засядем как-нибудь в «Камских огнях», оторвёмся на один вечерок, а? Вспомним, как мы под вашим чутким руководством на соревнованиях первые места брали. А вы что же, Лев Митрофаныч, никак заболели?

– Да вот, понимаешь, обнаружили... И откуда что берётся?! – Паскарь стал перетаптываться с ноги на ногу. Честно признаться, услышанный диагноз никак не вязался с его спортивной фигурой.

– Не верится как-то, – развёл я руками.

– А может, Фёдор, лучше на охоту? Знаю, ты большой любитель... Оно мне как-то ближе ресторана. Ты, наверное, и сейчас из пятидесяти сорок пять без натуги выбьешь?

– По мишеням не лупил с прошлого года, – смутился я. – Но конкуренцию вам непременно составлю.

Что верно, то верно: каждый сентябрь мы с ребятами охотимся. То на пернатую дичь, то на боровую. Карабин «Тигр-9» – моя эксклюзивная гордость с оптическим прицелом. Бьёт без промаха хоть с двухсот, хоть с трёхсот метров. Но в этом сентябре мне, похоже, придётся отступить от традиций.

Вспомнив о Болгарии, я сладко зажмурился. Да, пора внести коррективы в личную жизнь. За тридцать, как-никак, ждать дальше некуда. Хватит, нашорохался в одиночку, время якорь бросать.

Вернувшись на грешную землю, пожал Митрофанычу руку и направился по коридору в стационар, почти тут же забыв о своём бывшем тренере по стрельбе.

Глава 2

И вот стою я на крыльце поликлиники и боюсь поверить, что впереди – несколько недель безоблачного ничегонедельня, скрашенных присутствием моей Алинки. На душе – лёгкость, хоть отталкивайся от земли и лети, куда глаза глядят.

Если бы не «лежачий полицейский»! Так у нас называют асфальтированные валы на дорогах, которые специально «накатываются» у пешеходных переходов, чтобы водители скорость снижали.

Еду на своём «сандеро», слушаю последние новости, на свистываю что-то себе под нос. Теперь-то я понимаю, что злоумышленники не зря выбрали место перед «лежачим полицейским»: все машины там притормаживают. Когда впереди отпуск – вообще ни о чём плохом не думается.

В момент торможения к заднему бамперу кто-то прицепил железяку, она загрохотала. Словно бампер отвалился, кое-как держится. Я же вместо того, чтобы подумать, что всё это неспроста, тотчас остановился, выскочил, обежал машину, но рассмотреть ничего не успел, – получил удар по затылку и плашмя повалился на асфальт. Кинжальная боль в локтях на какое-то время прояснила мозги.

– Что ж ты, тварь, делаешь, – угрожающе зарычал я, становясь на четвереньки. – Да я тебя сейчас!.. Да я!..

Кажется, меня пинали подростки. На фоне серого неба

я различал несколько маячивших голов. Помню, старался укрыть руками голову, но получалось не очень. Удары сыпались со всех сторон. Мне ещё хватило сил подняться, размахнуться, но ударить было не суждено: противник профессионально мне «встряпал в разрез». Нокаутировал, короче.

Потом была череда из вспышек света и провалов в темноту.

Потом – одна сплошная темнота, без вспышек.

* * *

«Кто ж так стрижёт, цирюльник хренов! – захотелось мне крикнуть, но я не смог. Просто не сумел привести в действие голосовой аппарат, пошевелить рукой или ногой. – У меня и так всё болит, словно в серной кислоте искупался!»

«Чикали» ножницы, кто-то больно дёргал мои волосы, собирая в пряди и отстригая. Парикмахерская, короче. Только темнота вокруг, хоть глаз выколи, и тело – как после недельного шастанья по болоту в поисках клюквы или морошки. И что это за парикмахерская, где стригут лёжа?! И курить чертовски хотелось, прямо невыносимо!

Запредельными усилиями я открыл глаза и увидел... запотевшие очки бывшего однокурсника, а теперь коллеги, Ильи Кабачного. На его переносице виднелись капельки пота, всё остальное было закрыто маской и колпаком. Он занимался несвойственным ему делом: стриг мои волосы. Скажи

мне об этом кто-то в институте, я бы поднял его на смех.

– Очнулся, космонавт? – улыбнулся он, увидев мои нечеловеческие попытки удержать веки в открытом состоянии. – Ну и напугал ты нас! Черепно-мозговая в развёрнутом виде, хоть студентов по тебе учи. Всё, как в лекциях профессора Денисова. Не забыл ещё?

– А машина? – прохрипел я высохшими связками. – А бумажник? Мобильник, наконец?

– Про это ничего, Саныч, не знаю, – был ответ. – Ты бы помолчал пока, в твоём положении разговаривать не рекомендуется. Видишь ведь, каким ответственным делом занимаюсь!

Хорош диалог, ничего не скажешь, и главное – информативен. Я закрыл глаза и попытался осмыслить своё положение. «Космонавтами» у нас в клинике называют очень тяжёлых больных, тех, кто «бога видел» и чуть ли не с того света вернулся на грешную землю. Значит, моё состояние – не ахти. Вспомнив все подробности «поездки», я ужаснулся: неужто спёрли машину и деньги?! Неужто с поездкой в Болгарию придётся повременить? Ужаснувшись своему незавидному положению, я вновь провалился в небытие.

Жуткие догадки подтвердились в течение следующих суток пребывания в реанимации: машину у меня угнали, бумажник с банковскими картами и мобильник свистнули.

Алина не появлялась, звонки домой и ей на сотовый, куда по моей просьбе звонили коллеги, не приносили никакого

результата: девушка, с которой я собирался в будущем связать свою судьбу, словно испарилась. Если отсутствие её на работе объяснялось отпуском (мы договаривались взять отпуск одновременно), то отсутствие в других местах объяснению не поддавалось и рождало в моей душе всевозможные опасения. А вдруг и с ней что-то случилось?! Обзванивать больницы и морги я чисто физически не мог. Незнание угнетало, выводило из себя.

Прибавьте ко всему этому отсутствие нескольких зубов, страстное, изматывающее желание курить, – и вы поймёте, каково мне было.

Едва я смог внятно излагать свои мысли, ко мне пожаловал полицейский. Как я понял, он бы явился и раньше, просто его не пускали.

– Старший лейтенант Земляков! – отрапортовал коренастый, слегка седеющий брюнет со сбитой, как у Бельмондо, переносицей. Пересказав ему вкратце всё, что со мной произошло пару дней назад, я настолько утомился, что вынужден был после рассказа взять пятиминутный «таймаут».

Тщательно записав мои сумбурные показания, а также модель, цвет и госномер моей машины, Земляков «успокоил», что я не единственная жертва «бомбистов», что очень скоро их задержат, и тогда все мои данные пригодятся. Поинтересовавшись также – застрахована ли моя машина от угона, он пообещал найти её в ближайшие сроки.

После чего, попрощавшись, покинул палату реанимации.

Что ж, подведём неутешительные итоги.

Меня «отдубасили» так, что из стационара смогу выписаться не скоро. Кроме физических увечий, мне причинили также имущественные: лишили денег, личного транспорта и средств связи в виде сотового телефона. На эту и без того гнусную картинку наслаивается дискомфорт личного плана: моя девушка исчезла, вот уже более трёх суток не давала о себе знать! Если учесть, что до этого мы с ней не расставались больше, чем на полдня, можно представить, каково мне было коротать дни и ночи, не зная, жива ли Алинка!

Следовало, конечно, сообщить родителям, которые с апреля по октябрь обычно жили на даче, но я не спешил их «радовать». Думал, вылечусь, выпишусь, вставлю выбитые зубы, потом и сообщу подробности. А то они у меня оба гипертоники, лишний раз нервировать их мне не хотелось.

Едва меня перевели из реанимации в обычную палату, коллега Кабачный решил меня обрадовать:

– Не так всё паршиво, Саныч! Крови в спинномозговой жидкости у тебя нет, на глазном дне – без изменений. Моча, опять же, в норме. Думаю, через недельку будешь, как огурчик, а пока есть время поразмышлять о прожитом. В другие-то дни всё недосуг... Глядишь, философом станешь.

– Что ты имеешь в виду, изверг?

– Неизвестность с твоей Алинкой, – осторожно уточнил коллега. – Друзья, как говорится, познаются в беде. Сейчас снова позвонил ей на сотовый, безрезультатно.

Я грустно улыбнулся, забыв на время, что зубная формула у меня отнюдь не та, что была неделю назад.

– Зубки вставишь, опять же, – не преминул заметить Илья.

– Григорич, не мути воду, а, – взмолился я. – И так паршиво, а ты лишний раз подчёркиваешь мою ущербность.

Я обхватил голову руками, закрыл глаза и постарался собрать воедино всё положительное, что у меня оставалось на тот момент. Выходило не густо. Ощущение было такое: шагни я ещё чуть-чуть в том же направлении, и крыша съедет окончательно. Возврата назад не будет, я останусь в зазеркалье пожизненно.

– И ничего я не подчёркиваю, – вернул меня к действительности бывший однокурсник. – Тут к тебе товарищ сватается, вроде как из другого отделения, в пижаме... Вот я и думаю, пускать или нет?

– Это мой тренер по стрельбе, Лев Митрофаныч, – догадался я. Настроение тотчас поднялось: хоть один человек мной интересуется! – Пусти, конечно, не жлобствуй.

На этот раз Паскарь был в пижаме, из чего я сделал вывод, что его всё же госпитализировали к нам в неврологию.

Правда, вести себя он стал иначе – совсем не так, как неделю назад в поликлинике.

– Видишь, Федюнь, как всё обернулось-то, – развёл руками бывший тренер, усевшись в кресло у окна. – Плакала твоя Болгария, да и девах... неизвестно где и с кем.

– Что вы имеете в виду? – насторожился я. – Алинка ни с кем, кроме меня, не будет, за это отвечаю головой. И отбросьте свои грязные намёки.

– Голова твоя, видать, недорого стоит, раз ты отвечаешь ею за то, чего не знаешь. Гляжу я на вас, – философски заметил он, закинув ногу на ногу. – Тех, кого тренировал, вырастил, можно сказать. Кто-то быстро перестроился, мобилизовался, свой бизнес раскрутил, владеет чёрт-те чем на заморских побережьях... А кто-то, вроде тебя, как был мудак-идеалистом, так им и остался. Хотя я в своё время говорил: жизнь – не мишень, деньги – не пули, нельзя всё класть в одну корзину!

– Лев Митрофаныч, вы что, морализаторствовать ко мне пришли? – я резко присел на кровати, отчего голова слегка закружилась. – Так зря стараетесь, и без того на душе кошки скребут... Полная неизвестность, она хуже...

– Все твои проблемы выеденного яйца не стоят, – перебил вдруг жёстко Паскарь. – И неизвестность тоже. Можешь мне поверить в первом чтении. У девах твоей очередной заплыв, не более... Разумеется, налево. Накувыркается, очухается и приползёт, не сомневайся. Если нужны доказательства, я раздобуду их в два счёта, но лучше обойтись без них. Просто сделай вид, что ничего не случилось. Ты спросишь,

откуда мне известны эти подробности? Не всё ли равно?!

Я сидел, пригвождённый к кровати услышанным, подыскивая слова, чтобы достойно ответить. Бывший тренер тем временем вскочил с кресла и начал расхаживать по палате, шаркая беспятыми тапками. Жилистый, поджарый, с горящими глазами – он даже в поношенной пижаме смотрелся элегантно, совсем как в школьные годы.

– Из моих уст, Федюнчик, можно выслушать любую правду, какой бы горькой она не была! – Паскарь погрозил мне пальцем, как не раз случалось в юности, когда все пули шли в «молоко», потом вновь опустился в кресло, где сидел минуту назад. – Если б ты помнил хотя бы сотую долю моих наставлений, не валялся бы сейчас, как парализованный глист в медленно высыхающем дерьме.

– Ну, это уж слишком! – вспыхнул я. – Вы пользуетесь моим беспомощным состоянием... Но я требую выйти вон и забыть напрочь о моём существовании! Эх, Лев Митрофаных, я-то думал...

– Хорошо, – он тяжело вздохнул и поднялся. Перед самой дверью вытащил из кармана скомканный листок и бросил на холодильник: – Вот тебе адресок, по которому твоя ненаглядная трахалась все эти дни, покуда ты здесь отлёживаешься. Она и сейчас там, можешь проверить, если такой дотошный.

Более жуткой ночи я не помню. Так и не уснув до двух часов, в начале третьего я поднялся, спустился в санпропускник. С трудом растолкал дежурившую медсестру и попросил закрыть за мной дверь. Вид у меня был такой, что вспыхнувшее в её глазах справедливое негодование (ещё бы, случись что со мной в эту ночь, — с неё спросят по всей строгости) тотчас погасло и она, пошатываясь, направилась к двери.

Думал ли я, какое произвожу впечатление на редких горожан, попадавшихся мне навстречу? Отёкшая, вся в кровоподтёках физиономия, пижама, трико, тапки... Обида kloкотала в груди, в потной ладони я сжимал листок с адресом, ковыляя по ночному городу.

Чья это квартира? Любовника или специально арендуемое гнёздышко для периодических утех? Сколько их у неё, любовников этих? Смеётся, небось, в душе надо мной! Я гнал подобные мысли прочь из своей головы, но других в ней не возникало.

Обыкновенная высотка на улице Мильчакова, каких построено было в восьмидесятые годы великое множество. Планировка стандартная, а значит, можно при желании вычислить окна... Но какой смысл это делать, если весь дом спит, и в каждом из окон — темень?! Однако мысль, что за этими окнами моя Алинка занимается с кем-то любовью

подталкивала меня к подъезду, к его закрытой металлической двери..

Кое-как разглядев кнопки пульта домофона, я нажал на ту, что была под номером 24.

Через минуту скрипучий голос поинтересовался:

– Кого чёрт принёс в четыре ночи?

– Позовите Алину, пожалуйста! – кое-как сдерживая себя, попросил я.

Повисла пауза, показавшаяся мне бездонной. В динамике что-то слегка поскрипывало, и это что-то имело... космический оттенок. Словно я разговаривал с бездной. Точно так же поскрипывает, наверное, в наушниках у астронавтов, когда они, впервые ступив на планету, пытаются войти в контакт с её неразговорчивыми обитателями. Я почувствовал, что если сейчас же не взорвусь матерной тирадой, то рухну в эпилептическом припадке на бетонное крыльцо и в корчах и судорогах начну по нему кататься.

– Какую ещё Алину? – вновь «проснулся» динамик, помешав мне осуществить задуманное. – Об чём базар?!

– Важенину, естественно! – выпалил я. – Какую же ещё?!

– А больше ты ничего не хочешь? – был ответ.

– И всё же тебе, паскуда, лучше пустить меня, пока я не разнёс весь дом к чертям собачьим! – заорал я что есть мочи. – Открывай!

– Ты что, крутой, да? Приходи днём, когда я высплюсь, – невозмутимо вещал голос. – Тогда и решим, кто из нас кру-

че.

Собеседник отключился, повторные нажатия на кнопку под номером 24 никакого результата не приносили. Я в бессильной злобе побарабанил кулаками по двери, затем присел на корточки, прислонившись к кирпичной стене. Как это ни прискорбно, но надо признать, что моя ночная вылазка кроме усугубления душевного дискомфорта ничего не принесла.

Глава 3

Я уже собрался идти обратно в клинику, как за дверью послышалось шарканье подошв. Вскоре дверь отворилась, и из подъезда выскочил молодой парень в спортивной куртке и вязаной шапочке.

– Ты случайно не из 24-й? – поинтересовался я, ругая себя последними словами. Парень помотал головой и пустился трусцой по пустынному городу. Возможно, это был регулярный моцион, а может, просто поссорился с подругой или с родителями.

Я проводил парня взглядом и вошёл в подъезд. Вызывать лифт не стал, медленно, несколько раз останавливаясь, поднялся на шестой этаж. «Конечно, в твоём состоянии не за любовницей следить, а отлёживаться на одном из курортов, – сказал я себе, с трудом переводя дыхание. – Но, если слова Паскаря полностью подтвердятся, – тукало в мозгу в такт взбесившемуся сердцу. – Что ты станешь делать? Набьёшь морду противнику, – как минимум, само собой... А дальше что? Как Алине в глаза смотреть? Ведь уже неделя, как от неё – никаких вестей.»

Литая металлическая дверь поражала своей неприступностью. Я прислушался, но ничего не услышал. Не мудрствуя лукаво, нажал на кнопку звонка. Никакой реакции на залиvistую трель не последовало.

«Ничего, гаврики, – говорил я себе, – вы меня очень плохо знаете. Если вы думаете, что я отступлю перед неприступной скалой, то глубоко заблуждаетесь!»

Когда я уже собрался пинать дверь ногой (ведь кто-то разговаривал со мной, чёрт возьми!), за ней раздался шорох, затем возня и наконец тяжёлые медленные шаги. Словно хозяин принял «на грудь» не меньше трёх пузырей «Столичной» и пребывал до недавнего времени в сладком делирии.

За дверью что-то грохотало, валилось на пол. Однако никакой раскатистой ругани, типичной для подобных случаев, я не услышал, и это меня насторожило.

– Ну, скоро там?! – крикнул я и прислушался.

За дверью раздался треск, словно кто-то рвал не очень прочную материю, срывал с вешалок одежду, не удосуживаясь снять её по-человечески.

Наконец шаги замерли у двери. Звякнул металл, но дверь не шелохнулась. Словно слепой нащупывал замок в незнакомой квартире, тыкаясь туда-сюда беспомощными руками.

– Ну, ты, братан, и нарезался! – вырвалось у меня.

У меня к тому времени ноги тряслись от усталости, я обливался потом, голова раскалывалась от дикой боли. Всё же рановато я предпринял попытку ночной «экскурсии по городу».

Наконец засов скрипнул, дверь резко поехала на меня, я едва успел отскочить. Следом за дверью на площадку вывалился бледный окровавленный мужик в трусах и майке. Го-

лова его гулко ударилась о цементный пол. Буквально на глазах из-под туловища начала растекаться чёрная лужа. Для меня сразу всё стало ясно.

«Алинка!!!» – вспыхнуло в чумной голове, и я бросился, перепрыгнув через раненого, в тёмную прихожую. Кое-как нащупав выключатель, я включил свет и чуть не вскрикнул: на паркете, на обоях, на сорванной с вешалок одежде, – всюду были кровавые разводы. Причём на полу – целые лужицы. Как бедняга умудрился в таком состоянии добраться до входной двери и открыть её – для меня было загадкой.

Не помню подробности осмотра квартиры. Алинки нигде не было. Вернувшись к раненому, перевернул его на спину, нащупал нитевидный пульс на сонной артерии. Потом задрал окровавленную слипшуюся майку в поисках источника кровотечения и увидел в руке оружие убийства: нож-финку. Несколько секунд, помню, рассматривал его, держа за лезвие, чувствуя, как сердце убыстряет свой ритм. Ещё бы, не каждый день оказываешься на месте преступления.

Потом, словно очнувшись, оглядел прихожую и увидел телефон, схватил трубку, но не услышал гудков. Тогда бросился обзванивать все квартиры на площадке.

– Вызовите «скорую» ради бога!!! – крикнул несколько раз, но никакой реакции со стороны спящих соседей не услышал, как не прислушивался. Соседи либо крепко спали, либо предпочли сделать вид, что крепко спят. Зато до моего слуха донеслись какие-то звуки снизу.

В следующее мгновение заработал лифт. Я понял, что могу оказаться в идиотском положении. Но на цементном полу умирал человек, которого я не имел права оставить. Бедняга к тому времени был без сознания, восковое лицо его в тусклом свете лампочки ещё не раз будет мерещиться мне по ночам. Рана находилась в самом солнечном сплетении: удар наносил профессионал: снизу вверх, под ложечку...

Внезапно двери лифта разъехались в разные стороны, и на площадку друг за другом шагнули два здоровяка в чёрных костюмах. Таких я про себя называю «охранниками банка». Один из них, отдалённо напоминавший Ван Дамма, отшвырнул меня от умирающего вглубь квартиры, второй, с глазами навывкате, склонился над телом.

– Гамбит, алё, кто тебя так? – шлёпая лежащего по бледным щекам, склонившийся грязно выругался. Я про себя окрестил его лупоглазым. Выпрямившись, он цокнул языком и покачал головой: – Вот тебе и резюме по факсу.

В квартиру зашли ещё несколько братков, абсолютно одинаковых, словно выпеченных в одной прямоугольной форме. Меня оттеснили в комнату, усадили на диван. Два бугая сели по бокам, пристегнув мои запястья наручниками к своим кувалдоподобным ручищам.

Лупоглазый уселся в единственное кресло и принялся рассматривать меня, словно рыбку в аквариуме, своими выпученными, чуть желтоватыми глазами. В другое время я бы непременно посоветовал ему проверить печень и ограничить

выпивку... Но, разумеется, не теперь.

В кармане Лупоглазого запиликал мобильник, он молча выслушал собеседника и хрипло буркнул:

– Заберём этого уроды с собой, там поговорим, а то янычары вот-вот нагрянут. Ничего не трогать здесь!!!

Не сразу я сообразил, что термином «урод» Лупоглазый обозначил мою скромную персону. А когда сообразил, то запротестовал:

– Я нахожусь на лечении в хирургическом отделе... Меня будут...

Ни один из моих доводов на братков не подействовал. Рот мне профессионально задраили скотчем и вытолкали из квартиры.

У подъезда я разглядел два джипа. Меня втиснули на заднее сиденье одного из них, по обе стороны устроились толстозадые громилы с физиономиями мумифицированных кин-конгов, и «кавалькада» рванула с места. В тех немногих боевиках, которые я иногда просматривал по телику, пленникам вроде меня на голову надевали мешки, чтобы те не запомнили дороги, по которой их везут к месту заточения. Мне же никто подобной «услуги» не предложил, из чего я сделал вывод, что живым меня никто отпускать не собирается. Так и покачивался на заднем сиденье: в пижаме, больничных тапках, со следами побоев на лице.

В голове же у меня «покачивалась» мысль: Паскарь – гнида, подставил меня, как котёнка. Знал, небось, что в кварти-

ре будет труп, и послал меня, влюблённого ревнивого пингвина на разборку. В это логово, в эту пасть.

Стоп! Но ведь убийство произошло только что! Смертельно раненый авторитет на своих ногах, фактически живой труп, доплёлся кое-как до двери, сам открыл её, а потом агонизировал на твоих глазах, Саныч! Спрашивается, мог ли подобное предвидеть Паскарь? Вряд ли, это спрогнозировать невозможно.

В голове у меня всё перемешалось: истекающий кровью бандит, мой роковой «лежачий полицейский», пацанва с резиновыми дубинками, павиано-подобные братки, восседавшие в джипе справа и слева. И впереди – полная неизвестность, от которой хотелось быть по-волчьи.

Едва джип выехал за город и помчался в направлении Кунгура, сидящий впереди браток развернулся и одним движением заклеил мне глаза чёрным скотчем. Поскольку руки мои были скованы наручниками, я едва успел дёрнуться и всхрипнуть. Что-то подсказывало мне, что сопротивляться, кричать, вообще выражать какое-либо недовольство в моей ситуации бесполезно.

* * *

Наконец путешествие закончилось. Меня вывели из джипа и сорвали с глаз скотч. Казалось, на скотче остались мои веки. Я стоял возле дощатого забора, вдали простиралась

то ли деревенька, то ли небольшое село. Одноэтажные деревянные дома навевали воспоминание о детстве. Вдали алел край небосвода, значит, там должен быть восток, я попытался сориентироваться, но у меня ничего не получилось.

– В калитку, кадило! – прозвучало сзади, и мощный толчок в спину придал мне такой импульс, какой в школе на уроках физики никто не проходил. Мы – я и двое братков – поднялись на крыльцо, кое-как миновали тёмные вонючие сени и, наконец, оказались в просторной комнате с печкой посередине. Усадив меня на скрипучий табурет, братки «отстегнулись», застегнув мои руки сзади, и отошли к подоконнику. На небольшой диванчик уселся Лупоглазый, достал сигареты, закурил и опять, как в квартире убитого, уставился на меня.

– Вяпался ты конкретно, кадило. Советую хорошо подумать прежде, чем решишь что-то вякать. Зачем замочил Гамбита? На кого шестеришь? Под кем ходишь и на что откликаешься?

– Откликаюсь я на фамилию Чеклецов, – начал я с последнего вопроса, – зовут Фёдором, работаю хирургом в больнице. К Гамбиту никакого отношения не имею, просто оказался в неурочный час в неурочном месте...

Я изложил всё, начиная с «лежачего полицейского» и заканчивая разговором с Паскарём. Как ни странно, меня выслушали, не перебивая.

– Складно брешешь, надо признать. Кто же тогда грох-

нул Гамбита? Тот паренёк, что попался навстречу? Где он теперь?

Лупоглазый сделал какой-то знак. Оказавшийся сзади меня браток неожиданно ткнул меня горячей сигаретой в ухо. Я взвился от боли. В череп словно потекла огненная лава. Из-за наручников я не мог достать сигарету, мотал головой, скрипел зубами, изгибался, свалился на пол, несколько раз ударился головой о доски, пока сигарета, наконец, не выпала.

Кто-то очень сильный схватил меня под мышки, поднял с пола и усадил на табурет. Перед глазами промелькнула его пятерня с наколкой в виде розы ветров между указательным и большим пальцами.

Ухо горело, невыносимая боль пронзала голову. Словно в ухо, как в канал зуба, кто-то тыкал раскалённым зондом.

– У нас мало времени, кадило! – спокойно констатировал Лупоглазый. – Выбор у тебя невелик: либо ты колешься насчёт Гамбита и отчаливаешь в мир иной быстро и безболезненно, либо молчишь, как окунь, но всё равно отчаливаешь, только с обугленными ушами, носом... Прикинь, сколько у тебя свободных дырок. Ты всё понял?

В этот момент сзади скрипнула дверь, и к Лупоглазому на цыпочках прошествовала стройная симпатичная брюнетка лет двадцати. Бросив на меня мимолётный взгляд, она обняла Лупоглазого за шею и что-то прошептала на ухо. Тот хмыкнул и почесал в затылке.

– Ты думаешь? – он посмотрел на меня как-то по-другому.

му, потянулся в кресле, хрустнув суставами. – Ригель будет сегодня вечером, задницы всем порвёт за брата... Глядишь, мы этого кадилу ему... Интересная мысль, крошка! Что бы я без тебя делал! Хрен с тобой, кадило, – он махнул мне рукой. – Так и быть, проживёшь до вечера. Ригель тобой займётся, как убийцей брата... Ох, не завидую я тебе! Мне же, глядишь, дивиденды свалятся... При новом-то раскладе совсем не дурная мысль. Так сказать, кредит бесплатного доверия.

Лупоглазый расхохотался, брюнетка во время его хохота бросила на меня серьёзный взгляд. Я же обрадовался, как сорвавшийся с крючка окунь, нескольким дарованным часам.

– В гараж его! Замуровать до вечера. Руха! – Лупоглазый рывкнул так, что я прикусил язык. С подоконника вскочил один из братков, сидевших рядом со мной в джипе. – Отвечаешь за него головой. Сунешь пару бутербродов, чтоб слюной не подавился.

– Будет сделано, Хан.

– А мы пока в «Папайю» забуримся, надо с братвой обмозговать новый расклад, чтоб непонятки никаких там... Если что, вместо него – тебя Ригелю предъявлю, так и знай! – Лупоглазый ткнул пальцем в братка. – Думаю, он долго разбираться не станет.

– Обижаешь, Хан! Что я, с этим фраером не справлюсь!

– А ты обидься, обидься, – снова расхохотался Лупоглазый. – Губу надуй, слезу пусти, пальцем в носу поковыряйся!

Роха вывел меня на крыльцо, подтолкнул в сторону калитки:

– Стреляю без предупреждения.

Однако угрозе не суждено было осуществиться, поскольку возможности выстрелить Рохе не дали. Едва мы дошли до гаража, как раздался гортанный крик «Кей-я!!!», за которым последовал хлёсткий удар, короткий всхлип и падение грузного тела. Когда я оглянулся, удивлённо щурясь от яркого солнца, Роха лежал в неестественной позе, я автоматически констатировал как минимум перелом ключицы.

– Тебе совсем не обязательно рассматривать его, – моя спасительница, та самая брюнетка, посоветовавшая Хану повременить с моей расправой, в этот момент ловко обыскивала «вырубленного» ею же «коллегу». Вытащив из его кармана ключи от наручников, она освободила меня, похлопав по щеке: – Это наши разборки, не бери в голову, не засоряй мозги! Быстро в машину!

Только теперь я разглядел белую «Ниву» метрах в десяти и кое-как поковылял к ней на негнущихся ногах.

Брюнетка оказалась классным водителем: по деревенским ухабам она умудрялась выжимать 80 км/час, одновременно просвещая неопытного пассажира, то бишь меня.

– Я узнала тебя, ты хирург, в горбольнице работаешь. Примерно три года назад ты спас от смерти моего отца. Тебе тогда хотели хорошо заплатить, но ты отказался. Может, помнишь?

– Я скоро имя своё забуду, – честно признался я. – Не то, что события трёхлетней давности. Уж извини.

– Это и неважно. Важно, что я запомнила, как мать указала на тебя в вестибюле больницы. Кажется, эта болезнь называется панкреатитом. Мы тогда на природе неплохо покушали шашлычков, попили водочки. Ну, отца и скрутило. Он начал капитально загибаться. Мать его пичкала фесталом и но-шпой. Пока, наконец, ему не стало так хреново, что пришлось вызывать «скорую». А дело было на турбазе «Сылва», это Кунгурский район. Пока дождались, пока привезли в Кунгур. Там сказали, что если хотите спасти, везите в областной центр. Короче, когда привезли к вам, отец был практически полутрупом. Признаться честно, увидеть его живым мы не надеялись. Ты как раз дежурил в ту ночь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.